

Известная актриса и телеведущая Яна Поплавская написала в соцсети пост «о лживой социально-толерантной мерзости», который собрал 10 тысяч лайков и 2,5 тысячи комментариев.

Яна Поплавская: «Меня тошнит от голых задниц и женоподобных мужиков, которых мне впихивают под видом высокого искусства». Это вызвало огромный резонанс: кто-то благодарил актрису за правду, кто-то грязно оскорблял и даже угрожал. «АиФ» попросил Яну Поплавскую прокомментировать ситуацию.

Синоним вранья

— Все знают: голова нам дана, для того чтобы думать. Но, к сожалению, огромное количество людей неправильно ею пользуются, не задумываясь о том, что сегодня происходит.

Слово, которое очень часто сегодня используется, — толерантность — я не то что не люблю, я ненавижу его! Именно с помощью этого слова играют в грязные игры с общественным сознанием и меняют действительность. Есть такая теория, «Окно Овертона»: это концепция, с помощью которой даже высокоморальному обществу можно насадить любую идею за очень короткое время, полностью изменив социальное сознание. Я не демагог, на протяжении очень многих лет читаю лекции для политиков, бизнесменов, студентов и обычных людей, преподаю им уроки речевой психологии. Слово — это высокоэффективное оружие.

Толерантность сегодня — это синоним вранья, замыливания острых социальных и культурных вопросов.

Яна Поплавская

Так вот, слово «толерантность» для меня — это самый страшный инструмент манипуляции. Под это слово загоняют всё. Толерантность сегодня — это синоним вранья, замыливания острых социальных и культурных вопросов. Например, национализм очень часто подменяется понятием патриотизм, а это, что называется, «две большие разницы». Происходит страшная вещь: деструктивное изменение понятий добра и зла, их меняют местами — из-за этого теряются общечеловеческие ориентиры.

Мы живём в обществе, где очень удобно говорить неправду. И получается, что очень часто политики выступают как хамелеоны, это мировая практика, и закон тогда — что дышло: куда повернул, то и вышло.

Поэтому и появилось это «прекрасное» слово, которым заменяется всё: толерантность. Как только неудобно говорить правду, говорится: «Мы толерантны». А на самом деле это слово делает из общества молчаливый скот. Который начинает всего бояться. Кто-то мне возразит: а кто знает, как правильно жить? Нет такой книги, где это написано. На самом деле есть. Называется Библия. У мусульман это Коран, у иудеев — Тора. В этих книгах написаны абсолютно чёткие правила и чёткие человеческие законы.

Для понимания не нужно быть семи пядей во лбу, не нужно быть религиозным человеком. Да можно, в конце концов, быть не очень образованным атеистом, чтобы взять и прочитать эти законы. Это общечеловеческие законы, что правильно и что неправильно. Правд может быть очень много, но истина одна.

Честно скажу: личная жизнь любой человеческой особи меня не интересует. Я ни в коем случае не посмею «залезать» в чужие спальни. То, что происходит за закрытыми дверями и устраивает двух людей, — двух — это их личное дело, их жизнь. Какое я имею право давать какие-то оценки, если люди, какой бы ни были они ориентации, это не демонстрируют никоим образом? Но когда это выливается прилюдно, когда это прикрывается искусством и культурой, то тогда у меня возникает вопрос: почему на это никто не обращает внимания?

Мы живём в обществе, где очень удобно говорить неправду. И получается, что очень часто политики выступают как хамелеоны, это мировая практика, и закон тогда — что дышло: куда повернул, то и вышло.

Яна Поплавская

Это миф, что нельзя ничего цензурировать. Жизнь любого человеческого общества регулируется законом. Это закон человеческий, закон государственный. Иначе бы была анархия.

Вы, когда воспитываете своих детей, их контролируете? Контролируете. Вы говорите с младых ногтей: это хорошо, это плохо, так можно себя вести, так нельзя. Вы ориентируетесь на понятия, которым учили родители. Потому что человек — это не одиночное, а социальное существо. Ему нужно общество, он не мыслит себя без него и не может жить в одиночестве, если только это не отшельник.

Например, когда ваш ребёнок начинает учиться в школе, вы не позволите ему смотреть или приносить в класс порнографические материалы: это табу!!! Вы не позволите своему ребёнку в школьном сочинении писать матерные выражения, и, как цензор, немедленно вычеркнете их. Потому что такие слова — опять же табу. И нет в вас никакой толерантности в подобных вопросах, правда? Потому что есть законы общества, по которым это общество и живёт.

Но вдруг в последнее время что-то стало меняться. Собираются человеческие существа, неважно, какого они пола, и думают: как бы нам привлечь к себе внимание?

И (о чудо!) им в голову приходит гениальная идея: «А давайте покажем голые задницы и даже члены на всю страну — и будет нам счастье, будет нам прибыль, и будет скандал». Сказано — сделано.

Помните недавний скандал со спектаклем в Эрмитаже, где актёры стоят на сцене на согнутых коленках в низком наклоне и дуют губами, вытянутыми в трубочку, друг другу в анальное отверстие? Нарисовала картинку? В интернете есть фотографии...

Я выросла в театральной среде. Мой отец-отчим Владимир Викторович Александров, который воспитывал меня с 4 лет, работал с Юрием Петровичем Любимовым всю свою сознательную жизнь на Таганке, будучи его вторым режиссёром. Моя мама служила в Театре на Таганке, и я, как и другие актёрские дети, выросла за кулисами, в «красношапочном» возрасте играла в двух очень известных спектаклях («Обмен» и «Перекрёсток») и находилась бок о бок с актёрами легендарного театра. Думаю, вы не поспорите со мной, что Юрий Петрович Любимов был признанным гением мирового масштаба, он работал фактически на всех мировых театральных сценах. Но даже под расстрелом Любимову не пришлось бы и в голову снимать трусы с Высоцкого, Хмельницкого, Золотухина и иже с ними, чтобы, например, Высоцкий в роли Гамлета выходил с обнажёнными гениталиями и говорил бы: «Быть или не быть».

Искусство должно быть прекрасным, доступным или не очень, интеллектуальным, но не отвратительно патологически отталкивающим.

Яна Поплавская

На Таганку всегда был лом! Народ шёл не на голые попы, не на то, что актёры обливали друг друга кефиром, молоком, грязью или помоями или совершали акт псевдо-дефекации: когда садятся на сцене и тужатся. И кидают в зал псевдодерьмом. Это то, что представлено на российских театральных сценах. Не надо называть это искусством. Не надо. Искусство должно быть прекрасным, доступным или не очень, интеллектуальным, но не отвратительно патологически отталкивающим.

Театральная сцена — это не отстойная яма, это не нужник. Даже если вы не изучали историю театра, то, я уверена, слышали о площадных театрах, которые, например, были в Германии. Это не выдавалось никогда за искусство, это было развлечение для толпы: хлеба и зрелищ! Когда на сцену выходили, пукали и тушили пуканьем свечи. Маргинальная толпа была в восторге.

Но совсем другое дело, если мы говорим о Большом театре. Большой театр — это лакмус, это лицо моей Москвы, моей страны. Я видела отрывки записи несостоявшейся премьеры балета «Нуреев». Там, безусловно, есть талантливые вещи, очень интересные. Но меня не интересует, что Нуреев был эксгибиционистом и гомосексуалистом. Это его личное дело, его личная жизнь. Я не уверена, что сам Нуреев хотел бы, чтобы его личность была преподнесена таким образом.

Меня интересует только одно: каким образом этот человек, истинная звезда, знаменитый танцор, с которым практически невозможно состязаться на балетной сцене, превратился

в мировую легенду. О нём слагали мифы, это был человек необыкновенной, сумасшедшей трудоспособности, посвятивший себя профессии: он ею жил. А то, что он делал у себя в спальне, меня не интересует. Я не Господь Бог, чтобы его судить.

А сейчас давайте я переключусь с позиции профессионала на обывателя. На генеральном прогоне на центральной сцене театра с мировым именем перед зрителем предстаёт фотография Нуреева, купленная, как говорят, за 300 тысяч евро. Вы слышали сумму? Я могу только предполагать, что эта фотография была сделана им для кого-то из его любимых, скажем так. Не секрет, женщины тоже отсылают интимные фотографии своим возлюбленным: это человеческие отношения, и в этом нет ничего предосудительного.

Вы же в спальне тоже не находитесь в трусах, лифчике, и не ведёте себя там, как партизан. Но вы не пойдёте на Красную площадь и не займётесь сношением со своим партнёром, для того чтобы назвать это искусством. Хотя почему бы нет, с другой стороны, правда? Знаете, какое количество людей соберётся, чтобы на вас посмотреть, пока вас в полицию заберут и срок вам впают за развратные действия?

А почему тогда можно гениталии показывать на главной сцене страны? Это же мечта нашего детства: попасть в Большой. «Я был в Большом!» Это что-то недостижимое было в своё время, туда определённым образом одевались, шли, как на праздник, там собиралось интеллектуальное общество посмотреть, что сделано в большом искусстве.

Знаете, я свой пост о толерантности в соцсети писала и абсолютно не рассчитывая на то, что он сработает как детонатор, вызовет такой сумасшедший интерес. Было 10 тысяч лайков и 2,5 тысячи комментариев. Люди писали: «Спасибо вам за то, что вы сказали, спасибо вам за вашу смелость». Ребят, да какая смелость, в чём смелость? Вы помните сказку про голого короля? Она сюда подходит просто как никогда. Только маленький ребёнок прошептал, а потом сказал громко: «Король-то голый!» Но вся свита, боясь выглядеть глупыми осликами, говорила королю о том, что у него прекрасное платье. Дело в том, что страх меняет сознание. Если «это» показывают на столичных сценах, если то, что было не нормой, подсовывают нам под видом нормы, люди начинают бояться, они говорят друг другу: молчи, тебе что, нужны проблемы? Бог с ним, они сами разберутся, чего тебе, больше всех надо? Если это показывают, то, может быть, это мы с тобой ничего не понимаем? Да, нас тошнит, но кому-то там виднее.

Я люблю своих друзей, я люблю свою семью, я очень этим дорожу. И я не хочу, чтобы у моих детей, у моих будущих внуков менялось сознание.

Яна Поплавская

И мне становится страшно. Потому что я отношусь к тем людям, которые считают себя патриотами. Я родилась в этой стране, я москвичка, я очень люблю этот город. Я патриот своих друзей. Патриотизм — это ещё близкие люди, близкие по духу, по менталитету. Это твои корни. Я люблю своих друзей, я люблю свою семью, я очень этим дорожу. И я не хочу, чтобы у моих детей, у моих будущих внуков менялось сознание. А мне пишут: «Всё равно, сука, мы пройдем парадами, как ты пишешь, по твоей Москве и по России».

За одну ночь с публикации поста огромное количество этих людей организовались в группы, которые стали мне присылать порнографические материалы, писать, что, мягко скажем, займутся оральным сексом с моими сыновьями, отымеют их — вы понимаете, как. И тогда они поймут, что заниматься сексом с мужиками круче, чем с бабами.

Два моих сына от бешенства бились в конвульсиях. Немыслимая злоба выливалась на меня. Хотя там не было ни одной фамилии и призыва к гонениям на геев.

Нет, не из-за трусости: мне нечего бояться. Я вообще мало чего боюсь в этой жизни. Но молчать я не буду. Потому что больше не могу.

Я не совершаю никаких противоправных действий. Что, разве я буду не рукопожатна за то, что возмутилась тем, что не называется искусством? Посмотрите, что сказал Цискаридзе: он категорически против того, что происходит, сцена не для этого. Искусство должно быть прекрасно, это правда. Да, оно проблемно, оно поднимает различные социальные

темы. Искусство всегда было в нашей стране иносказательным, особенно во времена застоя. Как сказать тем самым эзоповым языком, как показать ту социальную правду, которая волнует людей? Ну не голой же задницей! Не голым членом! Не выставленным напоказ анальным отверстием!

В театр приходят родители с подростками. Вы мне хотите сказать, что это сформированная психика? Я занимаюсь с детьми всю свою жизнь, преподаю, у меня благотворительный фонд. Не смейте менять их сознание. Есть мужчина и женщина, два пола: мужской и женский. А если говорить человеку всё время, что он свинья, то он действительно захрюкает. Если постоянно говорить о толерантности, если впихивать людям в голову то, что не является правдой, а является ложью, но называть это правдой, через некоторое время (очень быстро) общественное сознание начнёт меняться. У наших с вами детей. И к чёрту полетят все семейные ценности, порвутся все семейные связи, семья в том виде, в котором она существует, перестанет существовать — навсегда, понимаете?

Огромное количество гетеросексуалов — правда, видимо, скоро они превратятся в меньшинство — ратуют за семейные ценности. Но почему нам с вами в голову не приходит обратиться в мэрию Москвы за разрешением идти парадом по Тверской? Давайте вместе с вами нарисует киношную картинку: тысячи мужчин и женщин с улыбающимися лицами в едином порыве идут в семейных трусах, в майках, держат друг друга за руки, за ними — их улыбающиеся дети. И все — с плакатами: «Мы занимаемся сексом с моей женой, с моим мужем, таким-то и таким-то образом, в таких-то позах, и у нас появляются вот такие прекрасные мальчики и девочки». Если бы я была инициатором такого прохода по Москве, мне бы сказали в ответ: «Вы что, озверели, что ли? Какой парад натуралов? Давайте-ка, Яна, вызовем вам дуровоз, госпитализируем вас, будем лечить...»

Правду очень сложно сказать даже самому себе. Не говоря уже о таких трибунах, как телевидение, печатные, радионные СМИ. Правда, понятия добра и зла у нас изувечены, практически во всём произошла подмена. Про человека, который занимается благотворительностью, скажут: это всё пиар. А я отвечаю всегда только одно: а попробуйте сами так попиариться. А попробуйте, как это делают тысячи прекрасных людей, протянуть руку помощи, собирать фуры, поезда, самолёты. Посвятить себя помощи другим, чужим, безымянным людям, чтобы дать им надежду на спасение в горе и одиночестве. Разве это не человеческий закон? Да, человеческий. Можно вспоминать Спарту и говорить: давайте не будем помогать. Людей станет меньше, воздух станет чище.

А как вы воспринимаете словосочетание «слуги народа»? Отрицательно. Но ведь изначально же было по-другому. Мой прапрадед, я его застала, был офицером царской армии, у нас дома есть наградная Библия царя Николая. До последних дней своей жизни он говорил: «Служил Отечеству. Служил своему народу». Он прошёл все войны с простреленным позвоночником, в корсете.

А сегодня вы знаете о зарплатах депутатов? Это сотни тысяч рублей. Меня очень волнует вопрос: если ты решил посвятить себя на какое-то количество времени, пусть на 5 лет, служению своему народу, то как же ты можешь наблюдать жизнь людей из окна своей машины? Только человек, который живёт на такую же зарплату, как его соотечественники, сможет понять: как ездить в общественном транспорте, что такое продуктовая корзина, как платить за ЖКХ. И, только испытывая те же тяготы, что и народ, этот депутат сможет писать и предлагать законы, меняющие жизнь этих людей к лучшему. Как же он может понять женщину, находящуюся в крайней степени отчаяния, у которой на руках больной ребёнок? И ей тысячи людей по моей стране собирают по 100, по 200, по 500 рублей, — вот эта христианская лепта — чтобы помочь семье прооперировать и спасти этого ребёнка. Я знаю это не понаслышке и кланяюсь этим людям: вот они, настоящие Слуги Народа.

Почему бы депутатам и чиновникам, получающим огромные деньги (правда, подчас для меня непонятно, за что), не жертвовать частью своей зарплаты? Пусть будет не половина, Господи, пусть десятая будет! На то, чтобы облегчить жизнь людей, которые тяжело живут в России. Я очень много езжу по регионам. Как же тяжело живут люди! Я вообще не знаю, как они выживают иногда.

Может быть, вы скажете, что я выросший романтик. Нет. Я очень адекватный человек. Но понятие социальной несправедливости в последнее время колоссально, абсолютно. Президент моей страны в едином лице (при таком количестве заместителей, помощников!) на прямой линии с народом решает частные вопросы определённого количества людей, которые надеются только на него. Как это возможно? Как? Тогда пусть решает всё только президент, не надо держать такой штат чиновников и различные ведомства! Если [народ уповает только на Путина](#).

Так вот, я хочу, чтобы люди, которые приходят в Думу и работают на государственной службе, знали, как живёт тот самый народ. И чтобы на собственной шкуре они понимали, что такое жить на крохотную зарплату, кормить, учить и одевать своих детей. Я хочу, чтобы чиновники лечились не за границей, а дома, в своей стране. Надо, чтобы был государственный закон на эту тему. Тогда фонды благотворительные не будут вынуждены отправлять детей на операции за границу. Потому что если чиновники будут лечиться тут, то построятся громадные, потрясающие медицинские центры, в них будут вкладываться деньги.

Я стойкий оловянный солдатик, мне не всё равно. Людям, с которыми я живу бок о бок, тоже не всё равно. Потому что нет никакого стыда сказать о том, что является правдой. Понимаете? Есть только доблесть и честь любого человека, который выходит и говорит не о шкурнических интересах, а о том, что волнует страну.